

МИГЕЛЬ СЕРВАНТЕС

ДОН КИХОТ

Москва
2015

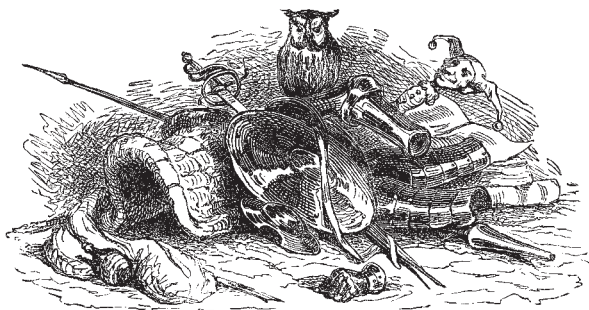
УДК 82(1-87)
ББК 84(4Исп)
С 32

Сервантес Сааведра М.
С 32 Дон Кихот / Мигель Сервантес. — М. : Эксмо, 2015. —
384 с. : ил.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Исп)

ISBN 978-5-699-37640-7

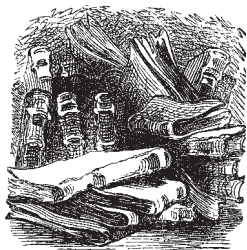
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава I

Кто был Дон Кихот, и как он вступил в рыцарство

Внебольшой ламанчской деревне, в Испании, жил некогда сельский дворянин, все имущество которого заключалось в старом копье, ржавом щите, исхудалой кляче и охотничьей собаке. Кусок коровьего мяса или баранины, винегрет к ужину, блюдо чечевицы в постные дни, потроха по субботам, а по воскресеньям жареный голубь — на это уходили почти все его деньги. На остальное он покупал одежду из тонкого сукна и бархата для праздников и попроще — для будней. В его доме жили ключница, которой уже перевалило за сорок, племянница, не достигшая и двадцати лет, и слуга, исполнявший самую разную работу. Нашему дворянину скоро должно было стукнуть пятьдесят. Он был силен, крепок,

худощав, вставал рано и страстно любил охотиться. Звали его Кихадой, хотя некоторые произносили его имя как Кесада.

В свободные часы, то есть большую часть дня, он развлекался чтением рыцарских романов, и это увлечение превратилось в настоящую страсть, заставив его позабыть обо всем на свете; он даже продал несколько участков земли, чтобы собрать обширную библиотеку из самых удивительных сочинений. Вскоре дней ему показалось недостаточно, и он стал проводить ночи за чтением своих книжек. Бедная его голова была занята одними колдовскими чарами, драками, турнирами,

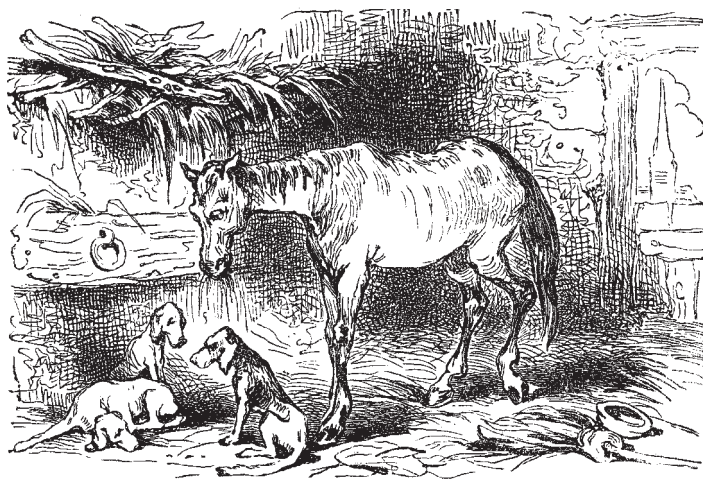

битвами, ранами; он принимал все эти выдумки за действительность и совершенно утратил рассудок.

Наконец ему пришла в голову самая невероятная идея, какую только можно было вообразить: он вздумал возродить времена странствующих рыцарей и пуститься по белу свету на поиски приключений, по пути защищая притесняемых.

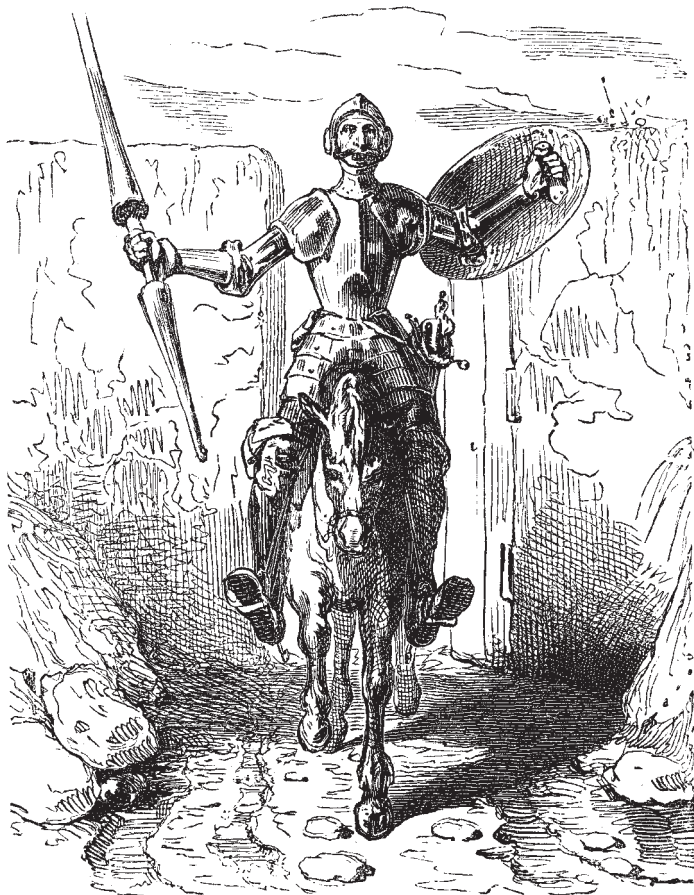
Он только и думал, что об осуществлении этого прекрасного замысла. Первым делом он вычистил старое оружие, принадлежавшее его прапрадеду, и починил его, как мог; но, увы! от шлема оставался только шишак: он искусно приделал к нему все остальное из плотной бумаги; для каски, конечно, бумага была не слишком прочной, но, чтобы помочь беде, он прикрепил внутри железные пруты и решил, что его шлем изготовлен из лучшей и испытанной стали. После того он позаботился о своем коне, и хотя бедная его кляча была настоящим живым скелетом, он ее не променял бы на Буцефала Александра Великого. Четыре дня подряд он придумывал, как бы ее назвать; он хотел найти звучное, благородное имя, и наконец его выбор пал на Росинанта. Сам же дворянин назвался Дон Кихотом Ламанчским,

чтобы и его родина разделила славу, которую он надеялся обрести.

Теперь Дон Кихоту оставалось только найти прекрасную даму, в честь которой он мог бы совершать свои подвиги. Неподалеку жила миловидная девушка по имени Альдонса Лоренсо, в которую Дон Кихот был когда-то влюблен; на нее-то и пал выбор нашего героя. Он даже придумал ей новое имя, постаравшись, чтобы оно было созвучно ее настоящему имени и в то же время подходило знатной даме: он назвал ее Дуль-

синеей Тобосской, поскольку родом она была из Тобосо.

Итак, наш герой, подготовившись как следует, больше не хотел откладывать исполнение своего замысла. Однажды, еще до зари, он вооружился с ног до головы, сел на Росинанта и выехал в ворота скотного двора. Он не проехал и ста

шагов, как ощутил укол совести: он вспомнил, что ведь его никто не посвящал в рыцари. Наш дворянин быстро нашел выход, решив поручить это дело первому попавшемуся ему навстречу. Итак, он продолжал свой путь, предоставив Росинанту идти куда глаза глядят, полагая, что именно так и совершаются приключения.

Медленно двигаясь вперед, погрузившись в мечты, наш герой размышлял про себя: «Какую радость я доставлю будущим поколениям рассказом о предстоящих мне подвигах! И ты, кто бы ты ни был, мудрый чародей, которому суждено описать эти правдивые и чудные приключения, не забудь благородного коня моего, Росинанта, верного сподвижника моих трудов, разделяющего со мной все опасности».

Во время этих размышлений солнце так палило его голову, что у него растаял бы мозг, если бы в голове его еще оставалось хоть немного. Дон Кихот ехал почти целый день, и ему не подворачивалось ни малейшего случая поупражнять

свою руку; под вечер и лошадь, и всадник остановились, истомленные голодом. Озираясь по сторонам, чтобы отыскать какой-либо замок или хотя бы лачугу для пристанища, Дон Кихот увидел гостиницу и поспешно направился к ней. В дверях трактира стояли две девушки, которых Дон Кихот принял за благородных дам, потому что повсюду отыскивал то, чего начитался в рыцарских романах. По этой же причине вместо гостиницы он вообразил замок со рвами, подъемными мостами, башнями и бойницами. В ту же минуту свинопас затрубил в изломанный рог, сзывая стадо. Дон Кихот тотчас сказал себе, что это карлик возвещает о его прибытии; он радост-

но приблизился к служанкам и сказал им, открывая худощавое и испачканное пылью лицо:

— Не бойтесь ничего, сударыни; законы рыцарства, которым я подчиняюсь, запрещают мне обижать кого бы то ни было, но велят быть к вашим услугам.

Удивленные служанки не могли удержаться от смеха. Наш герой вознегодовал было, но тут, к счастью, появился трактирщик. Это был хитрый андалузец, ловкий проныра и плут. Он сам с трудом удержался от смеха при виде Дон Кихота; но, опасаясь рассердить его, сказал очень учтиво:

— Достопочтенный рыцарь, если вы ищете пристанища, то найдете здесь все, кроме кровати.

Довольный предупредительностью коменданта крепости, потому что именно за коменданта он

и принял трактирщика, Дон Кихот поспешно ответил:

— Высокопочтенный владетель замка! Я буду доволен всем на свете; в оружии заключается ряд мой; в битвах нахожу покой.

Трактирщик, поняв, что имеет дело с сумасшедшим, подбежал к лошади, чтобы придержать стремя Дон Кихоту, который от усталости с трудом слез с седла, потому что было уже девять часов вечера, а он ничего не ел с самого утра. Росинант тотчас же поплелся в конюшню, а Дон Кихот вошел в столовую, где собрался снять с себя доспехи. Но как он ни старался, ему не удавалось снять с себя больше двух частей своих лат; освободить голову из нагрудника и шлема не было возможности, потому что он связал их зелеными ленточками, которые следовало бы перерезать, а он на это не соглашался ни под каким видом. Он решился остаться в шлеме на ночь, и вид у него в этом головном уборе был очень смешной. Потом у него спросили, не хочет ли он кушать.

— И даже очень, — откровенно отвечал рыцарь.

К несчастью, это было в пятницу, в постный день, и во всей гостинице не нашли ничего, кроме плохо приготовленной трески с черствым ржаным хлебом. Дон Кихот выглядел на редкость забавно, когда хотел приняться за еду. Нагрудник не давал ему нагибаться, и Дон Кихоту приходилось подносить кушанье ко рту; пить он

так и не смог бы, если бы не выдумка трактирщика: он срезал длинную тростинку, через которую Дон Кихот всасывал вино. Мнимый рыцарь терпеливо сносил все это, лишь бы не перерезать зеленых ленточек. Его огорчало только одно: что он до сих пор еще не был посвящен в рыцари! Эта мысль до того сильно мучила нашего героя, что он, не закончив трапезы, позвал трактирщика, заперся вместе с ним в конюшне и бросился перед ним на колени.